

Сергей НЕЧАЕВ

НРАВЫ МАЛЬМЕЗОНСКОГО ДВОРЦА

Сергей Юрьевич Нечаев
Нравы Мальмезонского дворца
Серия «Всемирная история (Вече)»

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31729909

Нравы Мальмезонского дворца: ООО «Издательство «Вече»; М.; 2016

ISBN 978-5-4444-8857-7

Аннотация

Мальмезон был любимой резиденцией императорской четы – Наполеона и Жозефины. На аллеях этого дворца блестящим придворным обществом завязывались романтические интриги. Это было место постоянных увеселений Жозефины, ее интимных встреч. Разумеется, стены дворца повидали многое на своем веку... Особенно интересны события 1814 года, завершившиеся странной смертью экс-императрицы...

Содержание

Глава первая. История Мальмезона	5
Mala domus	5
Владение господина Лекуто дю Моле	9
Глава вторая. Каприз Жозефины	12
Глава третья. Роман с Ипполитом Шарлем	21
Он уехал на войну, а она безумно влюбилась	21
Новая встреча двух любовников	27
Возвращение Наполеона из Италии	29
А где мадам?	32
Сомнительные сделки Ипполита Шарля и Жозефины	35
Ипполит Шарль в Мальмезоне	38
Разговор с генералом Жюно	41
Мой настоящий муж – это ты	47
Бегство Наполеона из Египта	50
Возвращение Наполеона в Париж	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Юрьевич Нечаев

Нравы Мальмезонского дворца

© Нечаев С.Ю., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Глава первая.

История Мальмезона

Mala domus

Мальмезонский замок (La Malmaison) находится в пригороде Парижа, на западе от города, рядом с деревней Рюэй (Rueil).

Добраться до Мальмезона несложно. Можно поехать на поезде метро до станции «Дефанс» (La Defense), а затем пересестись на автобус № 258, который ходит достаточно часто, чтобы доехать далее до остановки Malmaison-Château. Если есть желание и время немного прогуляться, можно поехать другим путем – на поезде RER, до остановки Rueil-Malmaison, дальше пройти пешком до моста Шату, а потом продолжить путь вдоль левого берега Сены, приблизительно три километра, по пешеходной тропе GR 11, после чего пройти через парковую зону прямо к замку. Такая прогулка займет немногим больше часа.

Впервые латинское название «Mala domus» (Дурной дом) появилось в источниках в 1244 году.

Однако еще в IX веке норманны, грабившие поселения и города, расположенные вдоль Сены, свозили сюда свою до-

бычу. Откуда, по всей видимости, и происходит название «Дурной дом». Во всяком случае, биограф Жозефины Гектор Флейшман утверждает, что Мальмезон сохранил имя, «полученное от нормандских пиратов в IX веке, означавшее «Скверное логовище» или «Гнилушки».

Ворота при въезде в Мальмезон

Сеньориальное владение Мальмезон, что также можно пе-

ревести как «Дурной дом», но уже с французского, впервые было упомянуто в XIV веке. В 1390 году землю вокруг Мальмезона купил офицер армии короля Карла VI Гийом Гуде.

Первое подобие замка было построено здесь в XVI веке, а потом, вплоть до 1763 года, поместье находилось во владении семейств Дюбуа, Давернь, Перро и Барантен. В частности, в 1622 году владельцем был Кристоф Перро, советник Парижского парламента.

Исследователь истории Мальмезона Бернар Шевалье утверждает, что замок был выстроен в 1610 году, но потом он еще долго достраивался – примерно где-то до 1686 года.

В самом деле, замок был построен – по крайней мере, его центральная часть – в XVII веке при советнике Перро, который потом уступил его капитану гвардейцев кардинала де Ришельё Гуитону де Форлаку, который находил удовольствие в том, чтобы устроиться поблизости от своего господина, расположившегося собственной персоной в замке Рюэй.

Граф Франсуа-Антуан Буасси д'Англа пишет, что «Мальмезон, входивший раньше в состав владения Рюэй, принадлежал кардиналу де Ришельё». А вот Бернар Шевалье представляется более точным, он утверждает, что «кардинал де Ришельё купил в 1633 году замок Валь-дю-Рюэй».

«Дурной дом» – кто сейчас позарится на недвижимость с таким названием? Но в ту давнюю героическую эпоху люди, без сомнения, были не слишком щепетильны, ибо малопривлекательное название владения никого не пугало. Впрочем,

место было очаровательное, хотя чрезмерно сырое, но тогда люди мало забивали себе голову проблемами ревматизма. К тому же привлекательные окрестности позволяли на многое не обращать внимания.

Владение господина Лекуто дю Моле

В 1763 году сын и вдова канцлера Франции Анри-Франсуа д'Агессо, умершего в 1751 году, купили поместье Мальмезон, чтобы перепродать его через восемь лет одному из богатейших банкиров того времени Жаку-Жану Лекуто дю Моле.

Последний родился в 1740 году в Париже в семье богатого дворянина Жака-Феликса Лекуто, сеньора дез Обри и дю Моле, владевшего несколькими замками. В 1769 году (в год рождения Наполеона Бонапарта) этот самый Жак-Жан Лекуто дю Моле, после смерти отца перебравшийся в Париж, женился на своей кузине Женевьеве-Софи Лекуто де Ля Норай, которая была почти на тринадцать лет моложе его.

В апреле 1771 года супруги Лекуто дю Моле купили имение Мальмезон вместе со всеми его землями и замком. Денег на это было предостаточно, так как глава семьи был известным финансистом и владельцем банка «Лекуто».

Жили супруги Лекуто дю Моле на широкую ногу и ни в чем себе не отказывали. В 1776 году у них родилась дочь, которую называли Полина-Лоретта (она умрет в 1802 году при родах). Через три года у них родился сын, Жак-Феликс, который потом станет префектом департамента Кот-д'Ор и бароном Империи (он умрет в Дижоне в 1812 году).

Женевьева-Софи, жена банкира, устроила в Мальмезоне

литературный салон. Так тогда было модно. Там она принимала придворную художницу королевы Марии-Антуанетты Элизабет Виже-Лебрён, поэта Жака Делилля, философа-просветителя Мельхиора Гримма, писателя Бернардена де Сент-Пьера, и к тому же целую толпу прочих людей, в той или иной степени сочувствовавших надвигавшейся революции. Это, впрочем, не уберегло самого Жака-Жана Лекуто дю Моле от тюрьмы в годы революционного террора.

Элизабет Виже-Лебрён долго жила в Мальмезоне в 1788 году и написала портрет хозяйки имения, который сейчас выставлен в одном из парижских музеев.

Часто посещал Мальмезон и уроженец Перу Пабло де Олавиде, известный энциклопедист, бежавший в 1780 году из Испании во Францию из-за конфликта с инквизицией (его именем сейчас назван университет в Севилье). Считается, что он был любовником Женевьевы-Софи Лекуто дю Моле. Когда испанское правительство потребовало его выдачи, он под именем графа де Пилоса бежал в Женеву. Вернулся во Францию он в 1789 году и стал участником революционных событий. В 1791 году он обосновался в замке Мёнг, незадолго до этого купленном Жаком-Жаном Лекуто дю Моле. После ареста мужа Женевьева-Софи с детьми долго скрывалась в этом замке от преследований «санкюлотов», но это ей не помогло: в апреле 1794 года она все же была арестована по приказу Комитета Общественного Спасения и даже провела несколько месяцев за решеткой. Вместе с ней был арестован

и Пабло де Олавиде, которому удалось вернуться в Испанию лишь в 1798 году (он умрет в 1803 году).

Для работ в Мальмезоне Жак-Жан Лекуто дю Моле в 1792 го-ду нанял известного архитектора Шарля-Франсуа Мандара, и тот построил в имении дом для актрисы Луизы-Розали Лефевр, известной как мадам Дюгазон, которая была любовницей хозяина имения. Кроме того, семья банкира немного расширила крылья замка, выходящие в сад.

Граф Франсуа-Антуан Буасси д'Англа пишет:

«Мальмезон был владением господина и госпожи Лекуто дю Моле, богачей из Парижа, которые за свой счет посадили прекрасный сад, который на долгие годы стал своеобразной моделью того, как можно украсить пейзаж: известный архитектор Морель создал его план, а аббат Делиль добавил ему славы, льстиво воспев его в одной из своих прекрасных поэм».

В апреле 1799 года Жак-Жан Лекуто дю Моле перепродал Мальмезон некоей Мари-Роз Таше де ля Пажери, и с этого, собственно, началась настоящая история этого замка, каких, по большому счету, в одной лишь Франции насчитывается несколько тысяч. Мальмезону в этом смысле повезло, так как упомянутая Мари-Роз Таше де ля Пажери к тому времени уже была гражданкой Бонапарт, той самой знаменитой Жозефиной, женой великого Наполеона.

Глава вторая. Каприз Жозефины

Биограф Жозефины Гектор Флейшман пишет:

«В 1798 году, когда, чтобы прицениться, поместье посещает Бонапарт, оно принадлежит дю Моле. Революция не отняла собственность у хозяев...

Генералу Мальмезон понравился, только цену он нашел слишком высокой.

Но Жозефина не признавала преград своим капризам. Она хотела Мальмезон. Поместье восхищало ее, как новая игрушка, как кашемир неведомых оттенков, как драгоценный камень. Она настроена так же, как тогда, когда без гроша в кармане и с долгами на шее сняла за известную цену дом на улице Шантрэн.

Дело повел Шанорье, с которым Жозефина познакомилась в Круасси, во время нежных прогулок с Баррасом».

Приведенная цитата нуждается в пояснениях. Дворянин Поль Баррас был активистом Великой французской революции, инициатором термидорианского переворота 1794 года, фактическим правителем Франции в 1795–1799 годах. В 1792 году он был избран в Конвент, голосовал за смертную казнь короля, потом примкнул к якобинцам.

Поль Баррас активно содействовал выдвижению Наполеона Бонапарта, а еще он был любовником Жозефины. Считается даже, что это именно он познакомил Жозефину с На-

полеоном.

В самом деле, именно Поль Баррас представил Наполеона Жозефине, та произвела на него впечатление, и стоило ей немного поощрить малоопытного в подобных делах генерала, как в его сердце запылала страсть. То, что репутация Жозефины была далеко не безупречна, а красота уже отцветала, для него не имело значения. В свете, где он теперь вращался, вообще господствовали легкие нравы. Жозефина же умела очаровать любого мужчину. Она ловко льстила Наполеону и, кроме того, разжигала его страсть тем, что заставляла усердно ухаживать за собой, прежде чем согласилась на брак, да и то лишь тогда, когда он получил новое блестящее назначение.

В Париже многие говорили, что Поль Баррас служил посредником между Жозефиной и влюбленным в нее Наполеоном. Однако влиятельный политик не просто желал отделаться от своенравной и расточительной женщины, уже изрядно надоевшей ему своими капризами, он хотел полностью нейтрализовать человека, честолюбие которого могло однажды сделаться опасным. Во всяком случае, брак Наполеона с Жозефиной был очень выгоден Баррасу, и он всячески поддерживал Наполеона в этом стремлении. Сделавшись, наконец, женихом Жозефины, Наполеон говорил ей, что у него много врагов, но это мало беспокоит его. Он не нуждается ни в чьей протекции. Скоро, наоборот, все будут искать его покровительства! С ним его сабля, а с нею он пой-

дет далеко!..

Что касается упомянутой улицы Шантрэн, то именно на этой улице в 9-м округе Парижа Жозефина де Богарне 17 августа 1795 года, то есть за два месяца до ее судьбоносного знакомства с генералом Бонапартом, сняла дом у своей подруги Жюли Карро, бывшей жены великого актера Франсуа-Жозефа Тальма. Вдове казненного генерала Александра де Богарне этот дом обошелся в четыре тысячи ливров в год. Это была огромная сумма. При этом заплатившая ее женщина с двумя детьми на руках, приехавшая с острова Мартиника, тогда и мечтать не могла о том, что всего через девять лет она станет императрицей французов. Так откуда же у нее появились такие деньги?

Историк Фридрих Кирхейзен по этому поводу пишет:

«У мадам Тальенн Жозефина познакомилась с тогдашним комиссаром Баррасом, приобретшим вскоре большое влияние. Он без доклада входил к Терезии, бывшей в то время обладательницей его сердца и кошелька. Ему, знатоку женской красоты во всем ее разнообразии, понравилась нежная Жозефина, в которой своеобразно перемешивались французская элегантность и креольская небрежность. Терезия ничего не имела против этого. Баррас познакомил ее с богатым и щедрым банкиром Увваром. „Ребяческая ревность“ была ей незнакома, и она спокойно уступила место своей подруге. Жозефина была очень довольна – теперь она была избавлена от всяких забот. О любви к Баррасу у обеих женщин, по-

нятно, не могло быть и речи, а поэтому не было и признака ревности. Наоборот, они еще теснее сблизились друг с другом, чтобы сообща извлекать пользу из влиятельного покровителя.

Жозефина жила теперь в прелестном домике на улице Шантрэн, который сняла у изящной Жюли Карро, разведенной жены актера Тальма. Дом был обставлен с большим комфортом, во дворе были стойла и целый ряд служб. Мадам де Богарне держала теперь двух венгерских лошадок и экипаж, полученный ею при посредстве одного благотворительного комитета. У нее были кучер, портье, повар, камеристка, словом, полное хозяйство, хотя комнаты и были обставлены довольно просто. Стол накрывался очень небрежно, но кушанья были всегда утонченные и изысканные. Сама она одевалась со вкусом и изяществом. Салон ее был центром старого и нового общества – в нем бывали выдающиеся представители всех партий.

Почти все издержки по ведению хозяйства оплачивал Баррас».

Когда в октябре 1795 года Наполеон появился у Жозефины в доме, он был буквально шокирован и подумал, что его новая знакомая страшно богата; умная креолка не стала его в этом разубеждать.

Фридрих Кирхейзен продолжает свой рассказ:

«Бонапарт зачастил в дом на улице Шантрэн. Жозефина пленила его. Она вскружила ему голову своим утонченным

изяществом, своими роскошными волосами, причесанными на этрусский лад, и красивыми томными глазами. Она казалась ему идеалом женщины и была к тому же так благородна и богата. Он не имел ведь понятия, что за всем этим блеском скрывается такая нужда, что у этой элегантной дамы всего лишь шесть сорочек, что по будням она ест из глиняной посуды, что весь запас столового белья состоит из восьми скатертей и стольких же салфеток. Всего этого генерал Бонапарт не замечал. Он видел только ее, свою очаровательницу, которая одна была в состоянии дать ему высшее счастье. Ее стройное, гибкое тело, с таким искусством облекавшееся в тонкие ткани, ее пластичные формы и мягкие движения приводили его в восторг. Ему не приходило и в голову, что эта женщина шестью годами старше его. Жозефина замечала свою власть над ним и старалась ее использовать. Их отношения, однако, долгое время оставались чисто светскими. Лишь из более позднего письма Наполеона к Жозефине можно было заметить, как далеко зашло дело. Оно было написано после одного вечера, проведенного у Барраса и закончившегося, по-видимому, на улице Шантрэн: „Я проснулся, преисполненный тобою. Твой образ и дивный вчерашний вечер опьянили меня. Дорогая, несравненная Жозефина, какое странное впечатление произвели вы на мое сердце. Если вы сердитесь, если я вас увижу опечаленной и озабоченной, я погибну от горя, спокойствие вашего друга будет навеки нарушено. Но зато как счастлив я

буду, когда отдамся глубокому чувству, владеющему мною теперь, и выпью с ваших губ и из вашего сердца то пламя, которое меня сжигает... Через три часа я увижу тебя, пока же, *miu dolce amor*, тысячу поцелуев. Мне же ни одного, – они сжигают мою кровь”».

9 марта 1796 года они поженились, и Наполеон тут же покинул дом на улице Шантрэн. Безжалостное правительство направило его на войну в Италию уже на третий день после свадьбы.

После ряда блестящих побед генерала Бонапарта в Италии улица Шантрэн в его честь была переименована в улицу Победы, а 26 марта 1798 года Наполеон выкупил дом Жозефины (теперь он стал домом № 60 по улице Победы) за 52 400 ливров и полностью переоборудовал его.

Теперь – несколько слов о некоем Шанорье, который «повел дело» о покупке Мальмезона.

Жан Шанорье был известным французским агрономом и политическим деятелем, и он имел замок в Круасси-сюр-Сен. В 1794 году Жозефина, у которой только что отправили на эшафот первого мужа, скрывалась от возможных преследований в Круасси, где она отдала своих детей в обучение (сына Эжена – к столяру, дочь Гортензию – к Жюли Блезе, портнихе из замка Шанорье). В замке Круасси тогда собирались многие бывшие аристократы из Парижа. Бывал здесь и Поль Баррас, «покровительствовавший» Жозефине.

Мальмезон находился поблизости, и Жозефина частенько

в дымке вечерних туманов смотрела на его крыши, которые ей бесконечно нравились. И вот теперь, став женой победоносного генерала Бонапарта и узнав, что Мальмезон продается, она настоятельно пожелала приобрести его.

Наполеона, как мы уже сказали, не вдохновила цена выставленного на продажу имения. Но стоило мужу отправиться в Египет, как Жозефина, увлеченная своим замыслом, решила довести его до конца.

Жан Шанорье, который после революции эмигрировал в Швейцарию, но потом вернулся в Круасси, оказался рядом и взялся «по старой памяти» помочь Жозефине в осуществлении этой операции. 2 марта 1799 года он отправился для осмотра Мальмезона, и донесение, сделанное им Жозефине, еще более поощрило ее к покупке.

Гектор Флейшман пишет:

«Владение занимает 387 десятин, из которых 75 отданы парку. Есть лес, виноградники, луга и пашни.

Переговоры тянутся с вантоза до конца жерминаля. Жозефина начинает выказывать нетерпение. Она пишет гражданину Ренувье, что с нетерпением ждет окончания дела. Сама мадам Реноден интересуется Мальмезоном. 2 флореала она пишет Кальмеле, спрашивая: „Купила ли Жозефина Мальмезон? Некоторые говорят – да, другие – нет. А когда я говорю, что ничего не знаю, – это похоже на то, будто я хочу все скрыть”.

Не стоило беспокоиться. В тот же день сделка была удач-

но завершена, и Жозефина сделалась собственницей Мальмезона, купив его за 225 000 франков. Мебель обошлась в 37 516 франков. 9111 франков – за купчую.

Из этих 271 627 франков Жозефина не отдаст и четвертой части. Она уплатит только за мебель. „Победа доставит бронзу”, – гласили приказы по армиям Конвента. Это Жозефине по вкусу. Она решает, что генерал внесет остальные деньги, когда вернется из Сирии. Если только вернется».

Жан Шанорье, активно посодействовавший этой сделке, позже, когда Наполеон станет Первым консулом, будет назначен президентом Сельскохозяйственного общества департамента Сена-и-Уаза, депутатом Совета Пятисот и членом Института Франции по ветеринарной секции. Вот что значит вовремя дать дельный совет и оказать содействие нужному человеку...

Жозефина умела быть благодарной. Но вот вопрос, откуда у нее взялись деньги на мебель – 37 516 франков? Их дал Наполеон? Едва ли. Тогда кто? Это так и осталось неизвестным.

Биограф Жозефины Гектор Флейшман делает предположение:

«Одна из самых легковесных версий – Баррас расщедрился. И якобы в возмещение долга Жозефина „разрешила ему наслаждаться ее прелестями без покрывал”.

Баррас протестует, заявляя, что это Жозефина желала подарить ему Мальмезон».

На самом деле, Поль Баррас, по словам историка Фридриха Кирхейзена, «не всегда бывал щедрым возлюбленным. Деньги он давал неохотно, так как сам в них нуждался. Он любил платить натурой».

Глава третья. Роман с Ипполитом Шарлем

Он уехал на войну, а она безумно влюбилась

Итак, 21 апреля 1799 года мадам генеральша Жозефина Бонапарт в отсутствие своего мужа, отправившегося воевать в Египет, подписала при помощи нотариуса Рагидо (того самого, что в марте 1796 года в мэрии 2-го округа Парижа изготовил брачное свидетельство для Наполеона Бонапарта и Жозефины де Богарне, урожденной Таше де ля Пажери) акт о покупке имения Мальмезон, до этого принадлежавшего банкиру Жаку-Жану Лекуто дю Моле.

Биограф Жозефины Гектор Флейшман пишет, что во время второй большой отлучки мужа, когда тот с надеждами на блестящую победу отправился в Египет и Сирию, Жозефина вновь «решила утешиться в соломенном вдовстве». Едва переселившись в Мальмезон, она пригласила туда Ипполита Шарля. «Он явился в кабриолете, запряженном кобылой, известной как самая резвая лошадь Парижа. Скоро Шарль устроился там на жительство».

С этим красавцем-капитаном Жозефина познакомилась,

когда ее муж покрывал себя славой на полях сражений в Италии. Тогда, преисполненный гордости Бонапарт жаждал продемонстрировать свое могущество перед обожаемой женой, а посему он стал настойчиво призывать Жозефину приехать к нему в Италию. Но креолка не имела никакого желания променять прелести Парижа на дискомфорт военно-полевой жизни. Кроме того, она была так влюблена в своего Ипполита Шарля, что и не помышляла его покинуть.

Историк Андре Кастело пишет:

«Жозефина не торопилась ехать к мужу. У нее теперь голова забита другим – она безумно влюбилась в Ипполита Шарля, который был на девять лет младше ее. Он неотразим! К тому же он ее так развлекает! Наполеону это не дано, может, иногда, да и то невольно. Воспоминания о муже ее не тяготили. Имя генерала Бонапарта было у всех на устах, только не у его жены».

Десмонд Сьюард описывает Ипполита Шарля следующим образом:

«Невысокого роста, смуглый, с иссиня-черными волосами, он был большим любителем производить впечатление на дам щегольскими нарядами. Жозефина как-то заметила, что была убеждена, что „никто до него толком не знал, как повязывать галстук“. Это был законченный ветреник и, что самое главное, в отличие от вечно мрачного корсиканца неизменно пребывал в радостном состоянии духа. Все дамочки тех дней, включая мадам Рекамье и Тальенн, были от него

без ума, несмотря на его провинциальные манеры. Покровительница Шарля представила его самым влиятельным особам парижского общества. Само собой разумеется, родня со стороны мужа приложила все усилия, чтобы слухи о неверности супруги достигли ушей генерала Бонапарта».

Последнего избежать было невозможно. Естественно, все это стало известно Наполеону и вызвало в нем страшную вспышку ревности. Он приказал провести тайное расследование и обнаружил, что этот ловкий капитан служил посредником между продажными членами Директории и армейскими интендантами, спекулируя на поставках продовольствия для его армии. Ему сообщили также, что капитан Шарль доставлял Жозефине сокровища, награбленные в городах Италии: собрания античных медалей, жемчужные браслеты, бриллиантовые кольца, картины, золотые и серебряные изделия...

Жозефина. Художник Анри Франсуа Ризенер

Когда Жозефина все же приехала к мужу в Италию, тот незамедлительно заявил ей:

– Только что я приказал арестовать капитана Шарля...

Страх, перекосивший ее лицо, огорчил Наполеона, но он продолжил:

– Я знаю, что он покровительствовал грабежам и совершал грязные сделки...

Жозефина заплакала.

– Завтра утром он будет осужден военным советом и в полдень расстрелян!

Жозефина упала в обморок. На этот раз любовь взяла верх над гневом, Наполеон кинулся к ней и, обвиняя себя в жестокости, принялся бормотать извинения:

– Я его прощаю... Не будем больше говорить об этом... Я лишь выгоню его из армии, вышлю в Париж...

Историк Андре Кастело пишет:

«Наполеон разомлел, смирился и чуть ли не сам стал извиняться перед ней! А Шарлю на все наплевать, его компания продолжала заниматься незаконными сделками. Каким же образом Жозефине, любовнице Ипполита, удалось добиться своего? Очень просто. Она вдруг отважно заявила, что поедет с мужем в Египет. Вояка-муж был сражен наповал ее женской самоотверженностью. Но до выхода в море еще далеко, и она, вполне естественно, найдет тысячу предлогов,

чтобы остаться во Франции и возобновить в спокойной обстановке любовный дуэт с гусаром, столь неловко „прерванный ужасной жестокостью этих монстров”».

На следующий день Ипполит Шарль навсегда покинул Италию.

Неделей позже Жозефина тоже решила вернуться в Париж.

В декабре 1797 года она прибыла в Париж, оставив мужа в Италии. Ее приезд стал триумфом. Толпы народу с восторгом приветствовали «спутницу жизни великого героя, чьи подвиги достойны античных времен». Стреляли из пушек, трубили в трубы, дети кидали цветы, поэты читали стихи. Креолка принимала все эти почести с любезным видом, но сама думала совершенно о другом: она торопилась найти своего дорогого Ипполита Шарля.

Их встреча была весьма бурной.

Новая встреча двух любовников

Ги Бретон описывает парижскую встречу Жозефины и Ипполита Шарля следующим образом:

«После двух недель разлуки они ринулись друг к другу с такой страстью, что их любовные забавы иногда прерывались самыми бурлескными эпизодами.

Послушаем Пьера Аделена:

„Как только Жозефина вышла из кареты, месье Шарль увлек ее в спальню, где для удобства в любовных забавах две кровати были поставлены бок о бок. Они приступили к делу с таким пылом, что повешенный над кроватью коврик затрясся и с шумом свалился на них. Горничная, прибежавшая на шум, отогнув ковер, увидела голых любовников, смеющихся до изнеможения. Они встали, выпутав ноги из ковра, и сразу снова ринулись друг к другу, так что горничная из скромности поспешно удалилась.

Оставшись одни, любовники взобрались на сдвинутые кровати и начали резвиться, катаясь по ней время от времени, как пара игривых щенков.

Жозефина, бравшая уроки галантных игр у мадам Тальенн, показывала любовнику сложные позиции, разжигая его любовное неистовство. Но переизбыток страсти привел к тому, что сдвинутые кровати разъехались и любовники очутились на полу.

Снова появилась малютка горничная, помогла любовникам привести ложе в порядок, после чего вернулась к своим делам.

Ничуть не обескураженные, любовники снова залезли на кровать и продолжали свое занятие, но – увы! – последовала новая катастрофа. Когда маленький капитан пылко трудился, даруя блаженство своей возлюбленной, сорвалась драпировка над кроватью и любовники оказались в темноте. На их крики снова явилась безмолвная горничная, распутала штору и исчезла”».

Возвращение Наполеона из Италии

На следующий день любовники отправились попутешествовать по окрестностям Парижа.

Генерал Бонапарт в это время, окончательно сокрушив австрийцев, подписал с ними мир в Кампо-Формио и 5 декабря 1797 года вернулся в Париж.

Историк Поль-Мари-Лоран де л'Ардеш описывает его приезд следующим образом:

«Встреча Наполеона парижанами была такова, какой он мог ожидать от народного к нему благорасположения, приобретенного громкими делами. Директория, поставленная в необходимость быть официальным отголоском общественной благодарности, скрыла свою зависть и опасения и дала в Люксембургском дворце блистательный праздник покорителю Италии...

Наполеон выступил с краткой речью, в духе тогдашнего расположения умов французского народа, и из скромности приписал Директории честь заключения мира. Но этой официальной скромности требовали от него обстоятельства, и Директория не была ею обманута.

С этой поры Наполеон на деле один заменил собой правительство республики в отношении к европейской дипломатии, сосредоточил в себе всю власть и говорил от имени Франции не то, чего хотела Директория, а то, чего требовали

его собственные виды на будущее.

С самого времени похода в Италию, и особенно со времени битвы при Лоди, Наполеон начал прилагать усилия, чтобы заставить французскую политику утратить тот жесткий характер, который она приняла с самых пор ужасной борьбы 1793 года... Ему показалось, что наступило время положить конец революционному фанатизму, который он прежде считал нужным и которым сумел уже воспользоваться. В отношениях своих с королем сардинским, Папой и австрийским императором он показывал тот дух умеренности и миролюбия, который свойственен людям, поставившим себя выше требований и страстей мятежных партий. Это расположение было в особенности заметно при конференциях, вследствие которых был заключен мир в Кампо-Формио.

Он сам сказал впоследствии, уже в бытность свою на острове Святой Елены: „Начала, которые должны были руководствовать действиями республики, были определены в Кампо-Формио: Директория не вмешивалась в это дело”. И таково было существование могущества этого человека, что Директория, которую он, таким образом, отстранил от всякого влияния на дела, присваивая одному себе всю верховную власть, сосредоточенную в ней, не только не осмелилась потребовать отчета в его поступках, но еще рассыпала перед ним, посредством своего президента, самые напыщенные комплименты.

„Природа, скупая на произведение чудес, – сказал Баррас

в своей ответной речи, — нечасто рождает людей великих; но она захотела ознаменовать зарю свободы одним из этих феноменов, и величественная французская революция, дело новое в истории наций, должна была внести имя нового гениального человека в историю мужей знаменитых”.

Эта лесть, вынужденная общественным мнением от зависти, обличает высокое положение, в которое Наполеон поставил себя; и здесь нельзя не заметить, что Баррас, глава тогдашнего французского правительства, счел необходимым говорить подобным образом простому генералу, своему подчиненному, так же точно, как впоследствии и в том же самом месте говорил ему президент сената, то есть первый из его служителей».

А где мадам?

На самом деле, прежде чем явиться к членам Директории, Наполеон поехал на улицу Шантрэн, переименованную в улицу Победы, чтобы обнять свою жену.

Но дом, понятное дело, оказался пустым. Пробежав по комнатам, Наполеон встретил слугу и спросил:

– А где же мадам?

Когда он узнал, что Жозефины нет в Париже, глаза ревнивого корсиканца налились кровью.

В этот момент с поклоном вошел управляющий и протянул Наполеону пачку счетов.

– Это вам, мой генерал! – сказал он.

Оказалось, что в отсутствие мужа Жозефина заново отделала и меблировала дом. Счетов было на такую сумму, что расстроенный Наполеон надолго заперся в своей комнате, приказав никому его не беспокоить.

Историк Андре Кастело отмечает:

«Жозефина приказала провести дорогостоящий ремонт. Спальня на первом этаже превратилась в боевую походную палатку из пестрой ткани, с креслами в виде боевых барабанов. Кровати на античный манер могли сближаться или удаляться, благодаря хитроумному пружинному устройству. Все было сделано по последнему слову, на заказ».

Лишь на следующий день он отправился в Люксембург-

ский дворец, где Директория организовала в его честь пышную церемонию. Можно себе представить, что восторженные крики «Да здравствует Республика! Да здравствует Бонапарт!» не особенно порадовали его. Ну, право же, что ему было до хвалебных речей министров, членов Совета Старейшин и Совета Пятисот, чиновников самого высокого ранга, если рядом не было его Жозефины! Если рядом не было человека, которого он любил больше жизни, ради которого он и совершил все свои подвиги в Италии. Такой праздник не представлял для Наполеона никакого интереса. Более того, слушая поэмы и гимны в свою честь, он думал лишь об одном: раз Жозефины нет здесь, значит, она продолжает его обманывать и с ней надо разводиться...

Историк Десмонд Сьюард по этому поводу пишет:

«Женщины! Как они смеют обманывать меня! – негодовал он. – Да обрушатся на их головы все несчастья. Я сотру в порошок всю свору ее щенков и прихлебателей. Что до нее самой – развод, и только развод!» Он даже написал брату Жозефу: «Я страдаю от личного горя. Наконец, пелена спала с моих глаз...»

Пасынок Наполеона, Эжен де Богарне, написал, чтобы предупредить мать:

«Ты знаешь, мама, я этому не верю, но генерал действительно весьма расстроен. Тем не менее со мной он держится даже более дружески, чем обычно. Похоже на то, что он пытается доказать мне своим поведением, что дети не отвечают

за прегрешения матерей».

Лишь 2 января 1798 года Жозефина прибыла в Париж, такая красивая, такая волнующая и кокетливая, и она, как всегда, нашла тысячу оправданий своему отсутствию, а Наполеон, как всегда, сам не заметил, как оказался у ее ног и все ей простил. Правильно говорят, что страсть сильнее ревности. А любовь – она, как горячка. Она делает глупыми даже самых умных людей, а слабыми – даже самых сильных. Короче говоря, «несите прочь медикамент, болезнь любви неизлечима».

Сомнительные сделки Ипполита Шарля и Жозефины

Несколько дней спустя прибыл и Ипполит Шарль, и Жозефина снова занялась устройством его дел. Она рекомендовала его в одну торговую компанию, получавшую немалые барыши, снабжая французскую армию некачественными гетрами и рубашками, скверным фуражом и негодными лошадьми. Говорят, что любвеобильная креолка получала от этой компании неплохие комиссионные.

Историк Десмонд Сьюард по этому поводу пишет:

«Жозефина, которая так и не прекратила тайком видеться с Ипполитом Шарлем, возобновила с ним свой страстный роман, как только ее внушавший ужас супруг оказался вдали от дома. Живя в основном на средства от сомнительных сделок (на которых ему и удалось сколотить себе капитал), Шарль был в восторге от того, что заново обзавелся богатой любовницей, пусть даже на девять лет его старше».

В марте 1798 года Наполеон узнал от своего брата Жозефа о делах Жозефины, а также о том, что она практически ежедневно встречается с Ипполитом Шарлем в одном из домов предместья Сент-Оноре.

Ги Бретон рассказывает:

«Разъяренный Бонапарт бросился к жене, в жестоких словах высказал все, что думает о ней, для полноты эффекта

разбил цветочный горшок и ушел, хлопнув дверью.

Жозефина сразу же написала Ипполиту, предупреждая его об опасности. Письмо сохранилось. В нем звучит ненависть Жозефины к семье Бонапартов. Вот оно, со всеми особенностями стиля и орфографии:

“Жозеф имел вчера крупный разговор со своим братом. Меня стали допрашивать, знакома ли я с месье Бодэном и правда ли, что я постаралась обеспечить ему поставки для армии в Италию, и что им известно, что Шарль живет в доме месье Бодэна на улице Сент-Оноре, в доме № 100, и я хожу туда каждый день. Я ответила, что обо всем этом понятия не имею, а если он хочет развода, пусть так и скажет, зачем все эти фокусы, а я самая бесталанная и несчастная из женщин.

Да, мой Ипполит, я их ненавижу; моя любовь и нежность принадлежат только тебе; они видят, как они мне омерзительны, будучи причиной моей разлуки с тобой; они видят мою тоску, мое отчаяние. Ипполит, я покончу с собой, да, я хочу покончить свою жизнь, которая отныне для меня тягостное бремя, раз я не могу посвятить ее тебе.

Увы! Что же мне делать? Но что бы они ни делали, я не покорюсь этим монстрам...

Умоляю тебя, скажи Бодэну, чтобы он говорил, что он меня не знает; что он получил снабжение Итальянской армии вовсе не через мое посредство; чтобы он приказал портье на улице Сент Оноре говорить, что он меня в жизни не видел; чтобы он не использовал рекомендательных писем, которые

я ему дала, когда он начал свои дела в Италии... Ах, я боюсь, что это Жюдье выдал нас Жозефу... Но знай, что как бы они меня не мучили, они не в силах оторвать меня от моего дорогого Ипполита, мой последний вздох будет о тебе.

Я сделаю все, чтобы увидеть тебя сегодня. Если мне не удастся, я пошлю к тебе завтра Блондэна, чтобы назначить час встречи в саду Муссо...

Прощай, мой Ипполит, тысяча поцелуев пламенной любви»».

Отправив это письмо, как утверждает Ги Бретон, Жозефина явилась к Наполеону и «осыпала его ласками, а он, как всегда, не мог перед ней устоять».

Ипполит Шарль в Мальмезоне

В мае 1798 года Наполеон опять надолго уехал из Парижа.

Историк Поль-Мари-Лоран де л'Ардеш пишет:

«Решение об экспедиции в Египет было принято. Директория не противилась исполнению этого проекта, потому что ее недалёковидность, усматривая опасности одного только следующего дня, заставляла ее желать удаления знаменитого воина, и она не рассчитала, что новые его успехи послужат к большему обожанию нации и, следовательно, умножат к нему любовь народа, чего именно Директория и опасалась. Бонапарт, который один составил план экспедиции, один и занялся его исполнением и принял на себя все устройство войск, назначенных в экспедицию...

Когда Наполеона спросили, долго ли он намерен оставаться в Египте, он отвечал: „Или несколько месяцев, или шесть лет, глядя по обстоятельствам”».

Жозефина проводила мужа до Тулона. Наполеон страстно любил ее, и их расставание было самым трогательным. Предвидя опасности, предстоявшие Наполеону, они вполне могли думать, что расстанутся навечно. Эскадра вышла в море 19 мая.

На самом деле, Наполеон вернется из Египта лишь 16 октября 1799 года, то есть через семнадцать месяцев.

Ипполит Шарль остался с Жозефиной в Париже, а в ап-

реле 1799 года он обосновался в только что купленном Жозефиной Мальмезоне.

Биограф Жозефины Гектор Флейшман не может удержаться от романтических ноток в повествовании:

«Он жил в Мальмезоне как хозяин...

Из письма Эжена к матери мы узнаем, что „крепыш” принес креолке собачку, что он возил ее в Итальянскую оперу и закрытые ложи...

В Мальмезоне от флореаля до фруктидора лениво тянулись счастливые дни. Любовники, забывшие о человеке, который тем временем являл миру победы в долинах фараонов, гуляют в прекрасных тенистых садах.

А в дальнем далеке, среди пыльных вихрей пустыни, под ослепительным солнцем шла бойня. Это – сиюминутная эпопея, врезанная в эпопею прошлого, это – лавры, белые от пыли; это – смертельная усталость и смерть, сменяющая изнеможение.

А здесь, в Мальмезоне, на берегу Сены, чьи воды неторопливо движутся мимо шелестящих тополей, – весна, исполненная свежести...

Немая красота убаюкивающих вечеров...

Пурпурное солнце на закате прощается со всем живым, и начинается мистерия появления мрачного лика ночи...

Может быть, ступая по мозаичным полам своего египетского дворца, муж Жозефины вспоминает такие же вечера... Когда запах земли казался нежным ароматом неба...

Бонапарт еще не знает о мальмезонской идиллии. А когда узнает, сможет ли он уснуть в духоте египетской ночи? Будут ли в его висках стучать молотки? Будет ли он сжимать кулаки? Будут ли его глаза полны безумием? Будет ли он взывать к вероломным любовникам, блуждающим по садам Мальмезона с губами, влажными от поцелуев?»

Разговор с генералом Жюно

Наполеон конечно же узнал о мальмезонских похождениях своей жены. Уже 3 июня 1799 года ему обо всем рассказал его верный адъютант Жан-Андош Жюно.

Тогдашний секретарь Наполеона Луи-Антуан де Бурьенн свидетельствует:

«Я увидел Бонапарта, прохаживающегося одного с Жюно, как это довольно часто с ним случалось... Лицо генерала, всегда лишенное румянца, сделалось между тем, как я не мог узнать тому причины, еще белее обыкновенного. В чертах его было нечто судорожное, во взоре нечто дикое, и он несколько раз ударил себя по голове. Поговорив еще с четверть часа, он оставил Жюно и подошел ко мне. Я никогда еще не видывал его столь недовольным, столь задумчивым».

Собственно, Наполеон догадывался о проделках Жозефины и раньше. Вся его родня, начиная с матери и кончая самой младшей сестрой и невесткой, не исключая даже и Жерома, постарались, чтобы Наполеон узнал в мельчайших подробностях о жизни его жены в Париже. Но больше всех постарался Жюно.

Различные авторы излагают суть произошедшего по-разному, путаясь при этом в хронологии и деталях.

Жак Бенуа-Мешэн:

«Тем временем, Жюно получил письмо от своей семьи, в

котором говорилось о том, что Жозефина открыто обманывает своего мужа, а весь Париж над этим потешается. Возмущенный, даже не представляющий той ярости, которую он спровоцирует, Жюно показал это письмо Бонапарту. Тот же был этим потрясен».

Рональд Делдерфилд:

«Его (Наполеона. – *С.Н.*) вера в собственную звезду и свои таланты сохранилась, но личная гордость и вера в счастливую семейную жизнь получили что-то вроде смертельного удара, когда адъютант Жюно как-то утром попросил у него частной аудиенции и вручил письмо, которое не сумели перехватить английские дредноуты. В письме содержался подробный отчет о бесстыдной связи Жозефины с Ипполитом Шарлем. Жюно, вероятно, делал это скрепя сердце. Этих мужчин связывали не только служебные отношения как главнокомандующего и его подчиненного. Они также были уже в течение пяти лет друзьями... Верность Жюно Наполеону (он всю жизнь обожал его) оказалась настолько непоколебимой, что не позволила ему сжечь письмо, умолчав о его содержании».

Ярость Наполеона была беспредельной. Он осыпал страшной бранью имя, бывшее еще вчера ему таким дорогим:

– Женщины! Жозефина! А я в шестистах милях расстояния от нее... Как она могла меня обмануть! Ну, берегитесь! Я уничтожу весь этот выводок молокососов и франтов... А с ней я разведусь... Да, разведусь! Устрою публичный, скан-

дальный развод!

После этого Наполеон обрушился на своего секретаря Бурьенна:

– Если бы ты меня любил, то ты уведомил бы меня обо всем, что я теперь узнал от Жюно: вот истинный друг!

Гертруда Кирхейзен пишет:

«Жюно, несомненно, рассказал больше, чем он знал, а Наполеон был легковверен да к тому же не имел уже прежнего доверия к Жозефине. Впрочем, это были последние вспышки той страсти, которая в своей силе и стойкости не угасла бы никогда, если бы она нашла больше пищи на том очаге, где она зажглась».

Бурьенн начал осторожно успокаивать главнокомандующего. Возможно, он сказал ему, что подозрения Жюно были слишком преувеличены, и, чтобы сменить тему, заговорил о славе Бонапарта.

Но в ответ Наполеон насупил брови.

– Моя слава! – воскликнул он. – О! Не знаю, что бы я отдал за то, чтобы все, что я услышал от Жюно, оказалось неправдой, настолько я люблю эту женщину!

Позднее Бурьенн напишет в своих «Мемуарах»:

«Я увидел, что Жюно дозволил себе предосудительную нескромность с генералом и что если госпожа Бонапарт действительно была в чем-то виновата, то он слишком преувеличил вину ее».

Бурьенн якобы сразу нашел поведение Жюно предосуди-

тельным, нескромным, достойным порицания и даже глупым. Но интересно, что давал эти «смелые» и «объективные» оценки Бурьенн не по свежим следам, а спустя тридцать лет после описываемых событий и после смерти Жюно и Бонапарта – главных действующих лиц, способных что-либо уточнить или опровергнуть. К тому же у Бурьенна были все, в том числе и очень личные, основания ненавидеть чрезмерно правдивого и преданного Бонапарту Жюно.

Но оставим личные мотивы Бурьенна, не о нем сейчас идет речь. Очевидно, что несколько позже Наполеон взял себя в руки и ни с кем не говорил на эту тему. Жюно, впрочем, его откровения дорого обошлись.

Простодушный, желавший сделать все как лучше, Жюно не учел того, что рассказать другу о неверности его жены – отнюдь не самый удачный способ укрепления дружеской привязанности. Подобная «доброжелательность» опасна еще и потому, что она наносит удар по гордыне, задевает чувство собственной значимости и вызывает обиду и желание нанести ответный удар. Особенно у корсиканца.

Петь дифирамбы подруге друга – это вопрос склонности. Но петь дифирамбы его жене – это уже вопрос необходимости, больше того, личной безопасности. Бедный Жюно и предположить не мог, что в дружбе, как и во многом другом, нужна не откровенность, а дипломатия.

А может быть, Жюно просто думал, что объявление этой новости подтолкнет Бонапарта ускорить свое возвращение

во Францию?

Эту последнюю версию категорически отвергает Сильвен Дюбьеф:

«Некоторые утверждают, что Жюно хотел этим откровением спровоцировать досрочное возвращение во Францию, другие объясняют его действия обыкновенной глупостью. Как для этого надо плохо знать Жюно! Обвинения его в махинациях лишены здравого смысла: он был к этому неспособен, достаточно посмотреть на его карьеру, чтобы в этом убедиться. Напротив, он был честным и непосредственным. А кроме того, он обожал Бонапарта».

Главное для нас здесь заключается в необратимости и непоправимости последствий тех нескольких фраз, сказанных у Аль-Ариша, которые предопределили для Жюно все последующие события его жизни (по свидетельству Бурьена, вся беседа длилась не более четверти часа).

А.З. Манфред пишет:

«Бонапарт никогда не простил ему сказанного у Аль-Ариша. Из всех близких к Бонапарту генералов Жюно оказался единственным, не получившим звания маршала».

Вторит академику Манфреду и Ги Бретон:

«Жюно заплатил за свою бестактность. Помня о Мессудии, Бонапарт постоянно отказывался сделать его маршалом».

Собственно, эти два мнения российского и французского авторов лишь в более или менее корректной форме фор-

мулируют нижеследующее высказывание свидетеля описываемых событий Бурьенна, который писал: «Я заметил впоследствии, что он (Наполеон. — *С.Н.*) никогда не простил ему этой глупости; и могу сказать, почти наверное, что это было одною из причин, по которым Жюно не был сделан маршалом Франции, подобно многим из его товарищей, которых Бонапарт меньше любил, чем его. Можно себе представить, что Жозефина, узнавшая потом от самого Бонапарта о речах Жюно, не слишком много оказывала ему расположения».

К сожалению, вышеописанный эпизод стал вехой, как бы разделившей жизнь Жюно пополам — на «до» и «после». До — искренняя дружба и близость к Наполеону и, как следствие, неизменный успех и слава; после — постепенное отдаление от Наполеона, череда неудач, недоразумений и досадных поражений и, как результат, самоубийство. Верно говорят французы — в каждом деле ищите женщину...

Мой настоящий муж – это ты

Больше всего Наполеона возмутило сообщение о том, что Жозефина устраивала в Мальмезоне разорительные приемы, на которых она и Ипполит Шарль принимали гостей как хозяйева замка. По вечерам она прогуливалась с ним по аллеям, и поздние прохожие на дороге в Сен-Жермен имели возможность поглазеть на них. Впав в обман по причине изящного сложения молодого офицера, некоторые думали, что гражданка Бонапарт гуляет, обняв своего сына Эжена...

Одна из соседок, например, увидев их вечером в саду, вернулась домой и написала такие назидательные строки:

«Ее видели на тропинках парка; по вечерам в лунном свете ее фигура в белом платье и белой вуали, опирающаяся на руку сына, одетого в черное или синее, производила фантастический эффект: казалось, что это две тени или два призрака... Бедная женщина! Может быть, она вспоминала о своем первом муже, убитом палачами Революции; она думала и о втором муже, который мог быть в любое мгновение сражен пушечным ядром. И как же его в таком случае похоронят без мессы там, среди мусульман?»

Но у Жозефины и в помине не было таких благочестивых опасений. После прогулки она увлекала Ипполита Шарля на широкую кровать, и они развлекались, перепробовав едва ли не все самые разнообразные и дерзкие позиции.

Поздно вечером 9 октября 1799 года, как обычно, Жозефина лежала на своей кровати в Мальмезонском замке совершенно голая. Рядом с ней, раскинув руки, лежал ее Ипполит Шарль.

Любовная битва только что закончилась, а теперь они мирно отдыхали, набираясь сил для новых свершений, и беседовали:

– Что-то от Бонапарта нет никаких вестей... Наверное, он погиб там в песках Египта. Впрочем, если это так, то тем лучше... Для любви он – конченный человек...

Сказав это, она с усмешкой положила ногу на живот Ипполита Шарля и вдруг заявила:

– Мой настоящий муж – это ты! Вот разведусь и выйду за тебя замуж...

Дальнейшее Ги Бретон описывает так:

«Она впилась взглядом в лицо своего любовника. То, что она увидела, не обрадовало ее. Капитан гусаров растерянно молчал. На глазах Жозефины черты его неузнаваемо преобразались: рот запал, нос удлинился, лицо стало маской ошеломленного полишинеля. Совершенно очевидно, что он понял, какие последствия может повлечь за собой брак с крепкой.

Жозефине стало ясно, что она промахнулась. Накануне она обсуждала с Баррасом и Гойе, председателем Директории, проблему своего развода с Бонапартом. Баррас был решительно против; Гойе, надеявшийся впоследствии стать ее

любовником, поддержал план Жозефины.

Однако отсутствие энтузиазма, проявленное месье Шарлем, решало вопрос. Неспособная долго сосредоточиться на одной мысли, беспечная креолка решила развеселить нахмурившегося любовника и стала щекотать ему подмышки.

Отставной капитан, поняв, что опасность миновала, вздохнул с облегчением».

Как всегда, ночь прошла бурно, и любовники в сладостном изнеможении заснули.

Бегство Наполеона из Египта

А на следующий день, 10 октября 1799 года, Наполеон прибыл в Париж.

Финал его злоключений в Египте и Сирии Поль-Мари-Лоран де л'Ардеш описывает так:

«Бонапарт послал парламентаря к английскому адмиралу. Тот прислал ему номер французской газеты от 10 июня 1799 года. Наполеон, который жаловался, что давным-давно не имеет никаких известий из Франции, жадно принялся за чтение листка. Он увидел из него печальное положение дел республики и поражение ее войск, которых в ту пору бил Суворов в Италии, и вскричал: „Так и есть! Предчувствие не обмануло меня! Италия пропала!!! Экие негодяи! Все плоды наших побед потеряны! Приходится мне ехать”.

С этой самой минуты он решился возвратиться в Европу и сообщил свое намерение Бертье и адмиралу Гантому, которому поручено приготовить два фрегата, „Мюирон” и „Карпер”...

Желала ли Директория возвращения Бонапарта, отъезд которого она видела с таким удовольствием? Говорили, что Трельяр, Ларевельер-Лепо и Баррас писали Наполеону, и будто это-то письмо и заставило его решиться оставить Египет. На этот счет существует столько разноречивых показаний, что согласовать их трудно; нам кажется всего вероятнее

то, что Наполеон, отказавшийся от своих видов на Восток неудачей сирийской кампании и извещенный о ходе дел и расположении умов во Франции, предположил, что наступило уже время обнаружить свои честолюбивые виды и обратиться на Запад».

Бросив остатки своей армии, Наполеон отплыл из Александрии 23 августа 1799 года. С собой он взял лишь генералов Бертье, Мармона, Бессьера, Мюрата, Ланна и Андреосси, верного Дюрока и Эжена де Богарне, а также любимых ученых Монжа и Бертолле. Чудом успев улизнуть от британских кораблей в Средиземном море, 6 октября он сошел на французский берег в районе Фрежюса.

Портрет Наполеона в его рабочем кабинете. Художник Жак-Луи Давид

Многие осудили Наполеона за этот поступок.

Генерал Клебер, например, которого Наполеон оставил вместо себя во главе армии, взорвался:

– Наш командир бежал, как напроказивший лейтенант, узнав, что слухи о его долгах и разных неблагоприятных сделках становятся главной темой разговоров в гарнизонных кофейнях.

Историк Виллиан Слон пишет:

«Великий беглец без труда уверил себя, что совершает героический подвиг, рискуя жизнью для спасения Франции, так как по Средиземному морю сновали взад и вперед английские крейсеры. Разумеется, он сам мог руководствоваться при этом такими соображениями: „Предполагалось устроить в Египте колонию, и эту задачу он выполнил. Возвращаясь во Францию, он пользовался правом, которое было ему предоставлено Директорией, и делал только то, что было решено уже заранее“. Ему незачем было, однако, ждать приговора потомства, чтобы уяснить себе недостойность подобного образа действий по отношению к египетской армии. Не подлежало сомнению, что Наполеон выказал бы себя в большей степени героем, если бы остался в Египте и разделил с ней последствия проекта, почин которого в такой значительной степени принадлежал ему самому. Это нашептывала Бо-

напарту и собственная его совесть. Он не решался даже проститься с блестящим генералом и талантливым администратором, которого оставил своим заместителем в Египте».

По словам историка Андре Кастело, армию «развлекло это тайное бегство с квартиры без уплаты за постой». После этого у генерала появилось новое прозвище – генерал Bonattrape, то есть «Большой хитрюга».

Впрочем, нашлись и те, кто оправдал Наполеона. Например, Стендаль написал следующее:

«Что касается другого его поступка, гораздо более серьезного, – того, что он бросил в Египте свою армию на произвол судьбы, – то этим он, прежде всего, совершил преступление против правительства, за которое это правительство могло подвергнуть его законной каре. Но он не совершил этим преступления против своей армии, которую оставил в прекрасном состоянии, что явствует из сопротивления, оказанного ей англичанам. Наполеона можно обвинять только в легкомыслии: он не предусмотрел, что Клебер мог быть убит, в результате чего командование перешло к бездарному генералу Мену. Будущее выяснит, вернулся ли Наполеон во Францию по совету некоторых прозорливых патриотов, как я склонен предположить, или же он сделал этот решительный шаг, руководствуясь исключительно своими собственными соображениями. Людям с сильной душой приятно представлять себе, какие чувства волновали его в ту пору: с одной стороны, честолюбие, любовь к родине, надежда оставить славную па-

мать о себе в потомстве, с другой – возможность быть захваченным англичанами или расстрелянным. Какая нужна была твердость мысли, чтобы решиться на такой важный шаг, исходя единственно из предположений! Жизнь этого человека – гимн величию души».

Вот даже как! Оказывается, для главнокомандующего бросить армию на произвол судьбы, руководствуясь исключительно своими собственными соображениями, это значит исполнить гимн величию души. Логика, надо сказать, весьма странная...

Возвращение Наполеона в Париж

Приехав в Париж, Наполеон в сопровождении Эжена де Богарне сразу же помчался на улицу Победы, чтобы увидеть свою Жозефину. Он не сомневался, что на этот раз его ждут и дом сияет праздничными огнями.

Наполеон выскочил из кареты, вбежал в дом и оцепенел в изумлении: вестибюль был пуст и не освещен. Он в возмущении начал открывать одну дверь за другой: комнаты были пусты и холодны. Совершенно взбешенный, он поднялся по лестнице и увидел слугу:

– Где моя жена?

– Она уехала встречать вас...

– Ложь! Она у любовника! Упакуй ее вещи и выставь их на лестницу – пусть забирает...

В этот вечер Наполеон, которому еще в Египте докладывали о фривольном поведении Жозефины в его отсутствие, твердо решил развестись.

Дорожная карета Жозефины доставила ее в Париж только на следующий вечер. Смущенная консьержка остановила Жозефину у дверей особняка на улице Победы:

– Генерал запретил вас пускать, – пробормотала она.

Жозефина плакала и колотила ногами в дверь. Потом, прижавшись к дверной щели, она молила, просила прощения, напоминала мужу об их любви, об упоительных ночах

сладострастия, о нежных ласках, непрерывно тихо стонала, уверенная, что ее муж в своей комнате прислушивается к звукам у входной двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.